

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

Комментарий к «Евгению Онегину» должен стать комментарием коллективным, общим и отнюдь не авторским. Изучение пушкинского романа вошло в такую стадию, когда неучет разбросанных в разных исследованиях (подчас далеких от пушкиноведения) комментариев и замечаний тормозит собственно пушкиноведческую мысль. Следует тщательнейшим образом собрать все комментарии, разбросанные во всевозможных книгах, статьях, заметках, чтобы максимально полно представить себе картину изученности «Евгения Онегина». О некоторых неучтенных в научной пушкиниане комментариях мне уже приходилось писать¹. В настоящих заметках также начну с указания на них.

Е. И. Осетров, анализируя записку «О древней и новой России» Н. М. Карамзина, пишет: «Обращу внимание читателей на подробность, ускользавшую от внимания. «У нас, — саркастически замечает автор, — председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита...» Речь идет о попытке ввести экзамены для чиновников — без проверки знаний задерживалось повышение. Надзирателю в сумасшедшем доме надлежало быть знатоком римского права и т. д. Все это вызывало ропот, смех и слезы. Недаром позднее пушкинский герой в «Онегине» «бранил Гомера, Феокрита...»² Е. И. Осетров достаточно темно излагает позицию самого Карамзина и, следовательно, трудна для понимания позиция Онегина и Пушкина, но для собственно комментария достаточно самого указания: «бранил Гомера, Феокрита...» происходит из карамзинской записки и изображает Онегина сторонником Карамзина в борьбе его со Сперанским за сохранение дворянских прерогатив на чиновничьи места (Сперанский же своими экзаменами преследовал не только цели повышения уровня знаний чиновничества, но и демократизацию его, ибо разночинцы были подчас образованнее дворянства).

Не учтена и отмеченная В. В. Набоковым³ реминисценция из Н. И. Хмельницкого «Хлебник, немец аккуратный» (гл. 1, строфа XXXV, стих 12). Между тем в письме Н. И. Гнедичу 13 мая 1823 г. Пушкин писал: «Помню, что Хмельницкий читал однажды мне сво-

¹ Строганов М. В.: Из комментариев к «Евгению Онегину» и «Капитанской дочке» // А. С. Пушкин и русская литература. — Калинин, 1983. — С. 121—122.

² Осетров Евгений. Три жизни Карамзина. — М., 1985. — С. 230—231. Сообщено Е. Н. Строгановой.

³ Ср.: Eugene Oнеgin: A Novel in Verse by A. Pushkin/Transl. from Russian, with a Commentary by V. Nabokov. — N.—Y., 1964. — Vol. 2. — P. 144.

его Нерешительного; услыша стих «И должно честь отдать, что немцы аккуратны» — я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе все захлопает и захохочет. — А что тут острого, смешного?»⁴. Характеристика эта стала расхожей. Сам Пушкин вспоминает ее в письме П. А. Плетневу около (не позднее) 14 апреля 1833 г.: «Ты прав, любимец муз — должно быть аккуратным, хотя это и немецкая добродетель; нехудо быть и умеренным, хотя Чацкий и смеется над этими двумя талантами» (14, 162). Ср. также характеристику Германна в «Пиковой даме»: «Германн немец: он расцетлив, вот и все!» (8, 227)⁵.

Через Пушкина характеристика стала широко распространенной. «Мы начинаем сомневаться в укоренившемся мнении, что немец аккуратен», — писал В. П. Горчаков⁶. Об «аккуратности немецкой» говорил и Л. Н. Толстой⁷.

Для самого Пушкина эта характеристика была не предметом насмешки, а типологической чертой национального характера. Так, в той же первой главе, в строфе XXXVIII, стихи 1—5 дают «национальные» характеристики англичан и русских:

*Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемному...*

В. В. Набоков⁸ и Э. Г. Бабаев⁹ возводят их к известному пассажиру из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Вот Английский сплин! Эту нравственную болезнь можно назвать и Русским именем: скукою...»¹⁰. Однако источником пушкинского образа можно назвать и сатиру П. П. Сумарокова «Плач и смех», где к стиху «Когда жестокий сплин мне ночью спать прегит» сделано примечание: «Spleen — известный припадок англичан, которому часто подвергаются и другие люди с чувством»¹¹.

Комментаторы «Писем русского путешественника» не фиксируют однако это совпадение, но указывают на другое место — в

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 тт. — М., 1937. — Т. 13. — С. 63. Далее Пушкин цитируется по этому изданию в тексте.

⁵ В черновиках повести есть дополнительные указания на связь с «Онегиным»: «Герм<анн> не явился у своего васисдаса и не приветствовал ее обычной улыбкою» (8, 835). Ср.: «Хлебник, немец аккуратный <...> Уж отворяя свой васисдас».

⁶ Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине//Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. — М., 1931. — С. 178.

⁷ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт. Юбил. изд. — М., 1931. — Т. 5. — С. 192.

⁸ Eugene Onegin... Vol. 2. — P. 150.

⁹ Бабаев Э. Г. Из истории русского романа XIX века. Пушкин, Герцен, Толстой. — М., 1984. — С. 21.

¹⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника (Изд. подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский). — Л., 1984. — С. 383.

¹¹ Поэты 1790—1810-х годов. — Л., 1971. — С. 185.

письме 134 речь идет о причинах сплина («то есть меланхолии» — примечание Карамзина) англичан и о самоубийстве на этой почве одного английского лорда. По мнению комментаторов, этот сюжет послужил основой стиха «Он застрелиться, слава богу, Попробовать не захотел»¹².

Таким образом, русская хандра, английский сплин, немецкая аккуратность становятся прямыми обозначениями типично национальных черт характера, интерес к которым проявился впервые в эпоху романтизма. Учет этих сделанных разными авторами наблюдений позволяет, как видим, поставить очень важный и интересный в данном случае вопрос о национальном характере онегинской хандры, заявленном уже в самом начале романа.

Наконец, стихи 13—14 строфы XLVII главы VIII:

*Но я другому отдана;
Я буду век ему верна —*

восходят к народной песне, помещенной в сборнике М. Д. Чулкова: «Я достануся другому, друг, И верна буду по смерть мою»¹³. Эта параллель была отмечена А. Желанским¹⁴ и А. Л. Слонимским¹⁵. Песня эта тем более должна была быть известна Пушкину, что в ее числе прочих перевел на французский язык В. Л. Пушкин (перевод был опубликован в «Mercure de France», 1803, № 111)¹⁶. Та же песня реминисцирована и в «Сказке о мертвой царевне...»: «Но другому я навечно Отдана» (3, 548).

К сожалению, эти накопления, столь важные для понимания романа, не учтены в комментариях, а потому практически выпали из научного обихода.

В дальнейшем мы приведем результаты наших наблюдений.

(I) гл. VII, строфа XV, стихи 1—2:

*Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жуужжал.*

Ср. у В. А. Жуковского в «Сельском кладбище»:

*Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жуужжа, вечерный жук мелькает...¹⁷*

Стихи Пушкина вызвали критику Ф. В. Булгарина, на которую Пушкин отвечал в «<Опровержении на критики>»: «Критику 7-й песни в Сев<ерной> Пчеле пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо

¹² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — С. 329—330; комментарий. — С. 669.

¹³ Чулков М. Д. Собрание разных песен: В 4 ч. — СПб., 1913. — Ч. 3. — № 66.

¹⁴ Желанский А. Сказки Пушкина в народном стиле. — М., 1936. — С. 55.

¹⁵ Слонимский А. Мастерство Пушкина. — М., 1959. — С. 344.

¹⁶ Трубицын Н. Н. Из поездки Василия Львовича Пушкина за границу// Пушкин и его современники. — СПб., 1914. — Вып. 19—20. — С. 267—269.

¹⁷ Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4 т. — М.; Л., 1959. — Т. I. — С. 29.

написанные стихи и довольно смешную шутку об жуке. У меня сказано:

*Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.*

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик я не читал, ибо — право — мне было не до них.

НВ. Критику Сев<ерной> Пч<елы> напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из Ивана Выжигина, ибо г. Булгарин не рассказывает, что трагедия Борис Годунов взята из его романа» (II, 150). «Жук» Пушкина заимствован, а описание Москвы (по крайней мере концептуально) совершенно оригинально и не зависит во всяком случае от Булгарина. Булгарин не разглядел подлинной реминисценции, а претендовал на авторство там, где у него не было никаких оснований. Пушкин тем более ироничен, что булгаринский роман «Дмитрий Самозванец» действительно был основан на чтении еще рукописного «Бориса Годунова».

(2) гл. VII, строфа XXXVIII, стихи 1—2:

*Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок!*

Реминисценция из послания К. Н. Батюшкова «К Д<ашко>-ву»:

*И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней*¹⁸.

(3) гл. VIII, строфа XXIX, стих 1:

Любви все возрасты покорны...

Ср. арию Силуяна из оперы В. А. Жуковского «Алеша Попович»: «Любить не поздно никогда!»¹⁹. Однако если Жуковский пишет далее о том, что любовь равно владеет и юношей, и мужем, то Пушкин, в связи со своей концепцией «преждевременной старости души» современного человека (13, 52), полагает, что любовь «в возраст поздний и бесплодный» может принести душе человека одно страдание, а «юным, девственным сердцам ее порывы благотворны».

(4) гл. VIII, письмо Онегина к Татьяне, стихи 20—21:

*Я думал: вольность и покой
Замена счастью...*

Формула эта восходит к политической концепции Ж.-Ж. Руссо. В трактате «О происхождении и основаниях неравенства между людьми»

¹⁸ Опыты в стихах и прозе. — М., 1977. — С. 237.

¹⁹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. — СПб., 1902. — Т. IV. — С. 105.

ми», описывая идеал жизни в представлении «дикого» (т. е. близкого природе) человека и человека «цивилизованного», Руссо указывает: «...дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаянье. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа стойка не сравнится с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работающий в поте лица, еще беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные; он работает до самой смерти; он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить, он отказывается от жизни, чтобы обрести бессмертие <...> Такова и в самом деле действительная причина всех этих различий: дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший жить в обществе, всегда — вне себя; он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования»²⁰.

Это значило, что идеал цивилизованного человека заключен в стремлении к социально активной жизни, в борьбе (даже в области интимных чувств), а для человека «дикого» идеалом является идиллический покой, обеспеченный вольностью — независимостью от социальных условий и тесной взаимосвязью с природными процессами («дикий» человек живет так, как повелевает ему природа).

У Руссо, таким образом, «человек цивилизованный» и «дикарь» становятся терминами, употребляемыми вполне однозначно и не имеющими никакой оценочной стороны в своих значениях (впрочем, из этого не следует, что сам Руссо не склонялся к той или иной системе ценностей). Терминологично же использование этих слов, как и слов «вольность и покой» («свобода и покой») и «счастье» у последователей и оппонентов Руссо.

Мысли Руссо и его термины неоднократно использует и варьирует Пушкин. Так, уже в «Вольности», которой вообще свойствен четкий терминологический язык, сказано:

*И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой (2, 48).*

Здесь «вольность и покой» — идеал жизни народа.

Перенося эти категории в область интимных эмоций, Пушкин характеризует «счастье» как активное чувство: «Ты в страсти горестной находишь наслажденье», а «покой» — как отказ от бурного стремления к чему-либо: «Довольно я любил; отдайте мне покой!» («Мечтателю»; 2, 64).

В дальнейшем Пушкин приходит к выводу, что «на свете счастья нет, но есть покой и воля», т. е. идеал жизни возможно обрести не в активной борьбе, а в удалении от нее, не в противостоя-

²⁰ Руссо Жан-Жак. Трактаты. — М., 1969. — С. 96—97.

нии социальному злу, а в уходе от него. Такая концепция прямо связана с представлением о том, что «нет счастья (т. е. нет идеала жизни. — М. С.) вне проторенных дорог» — эти слова Шатобриана Пушкин неоднократно цитировал²¹.

Так и Онегин сначала полагал, что «вольность и покой Замена счастья»: не обретя счастья, он рассчитывал найти в деревне вольность и покой, почему и не откликнулся на любовь Татьяны, на ее активное чувство. Полюбив же Татьяну, Онегин понимает, что именно в активном чувствовании заключен идеал его жизни: «боже мой, как я ошибся, как наказан».

Татьяна же, со своей стороны, сначала переживает фазис счастья, ища его в любви: «отдается безусловно Любви, как малое дитя». А затем, потеряв его, хотя «счастье было так возможно, так близко», Татьяна стремится обеспечить себе вольность и покой. Онегин видит ее: «Она сидит покойна и вольна». Поэтому любовь Онегина Татьяна воспринимает как попытку нарушить ее покой и, естественно, отвергает ее (вкуче, конечно, с другими причинами).

Следует также заметить, что «вольность и покой» есть принадлежность «народов», «счастье» же — идеал цивилизованного человека, т. е. в пушкинское время — дворянина. Вследствие этого становится понятным, что деревенский Онегин, который «Свою постылую свободу <...> Потерять не захотел» (VI, 180), ближе (во всяком случае в тенденции, в 4-й главе) к идеалу народной жизни, нежели Татьяна, для которой волнения страстей определяют идеалом поиски «счастья». Вот почему Татьяна и няня так комически не понимают друг друга в сцене объяснения Татьяны:

«Я влюблена», шептала снова

Старушке с горечью она.

— Сердечный друг, ты нездорова.

«Оставь меня; я влюблена». V(1, 60).

Другое дело VIII глава романа, где Татьяна, поступив согласно народной морали — выйдя замуж не по любви (не по страсти, а как няня, как мать) и будучи верна мужу, становится носительницей подлинной (уже не внешней, как во II и III главах) народности. Онегин же удаляется от этого идеала и приходит к осознанию ценности активной жизненной позиции, в результате чего гипотетический выход его на Сенатскую площадь (согласно мемуарам М. В. Юзефовича) становится психологически и идеологически вполне правдоподобным.

Как видим, проблема эта связана с проблемой народности у Пушкина, а в осмыслении этой проблемы герои романа трагически не совпадают.

Этим противопоставлением «счастья» «вольности и покою» роман Пушкина вписывается в большую и давнюю традицию русской литературы. В стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» Г. Р. Державин писал:

²¹ Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. — Л., 1980. — С. 350—351.

*Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей.
И чужд сует разнообразных!*

< . . . . . >
*Возможно ли сравнить что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке*²².

О том же писал в «Письме о пользе желаний» И. А. Крылов:

*Не тот счастлив, кто счастьем обладает:
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает.
Послушайте, я этот рай узнал;
Я камнем стал и три дни не желал;
Но целый век подобного покою
Я не сравню с минутою одною,
Когда мне, сквозь несчастье мрачных туч,
Блистал в глаза надежды лестной луч*

< . . . . . >
*Прочь, школами прославленный покой,
Природы враг и смерти брат родной!*

< . . . . . >
*А я, друзья, скажу короче вам:
Желать и ждать — вот счастье человека*²³.

В идиллии И. И. Дмитриева «Две гробницы» речь идет о деспоте, которого Пастух характеризует так: «Рушитель нашей свободы и покою»²⁴. Эту же формулу находим у А. А. Шишкова: «И в Риме процветает свобода и покой»²⁵, у Н. М. Языкова: «А ты, моя свобода, Храни души покой!»; «Младый воспитанник науки и забавы, Бродя в ночной тиши, торжественно поет И вольность и покой, которыми живет»²⁶, у К. Ф. Рылеева: «С ним вместе обитают Свобода и покой С веселостью беспечной...»²⁷. Несколько более сложный вид эти формулы приобретают у В. К. Кюхельбекера в «Тени Рылеева»: Рылеев из-за гроба «видит: на Руси святой Свобода, счастье и покой!»²⁸ — имея, очевидно, в виду осуществление идеалов дворянского и народного. Наконец, у М. Ю. Лермонтова в

²² Державин Г. Р. Стихотворения. — Л., 1957. — С. 326.

²³ Крылов И. А. Стихотворения. — Л., 1954. — С. 511.

²⁴ Русская литература XVIII века // Сост. Г. П. Макогоненко. — Л., 1970. — С. 654.

²⁵ Цит. по: Шадури Вано. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. — Тбилиси, 1951. — С. 162.

²⁶ Языков Н. М. Свободномыслящая лира // Стихотворения. Поэмы. Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. — М., 1988. — С. 22, 26.

²⁷ Рылеев К. Ф. Сочинения. — Л., 1987. — С. 53. Отметим, впрочем, эклектичность словоупотребления Рылеева: «...угол мой, Покойный и счастливый», «Простясь < . . . > С свободою златой» (С. 48, 49).

²⁸ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2 т. — М.; Л., 1967. — Т. 1. — С. 212.

целом ряде произведений является нам та же оппозиция. Так, она лежит в основе «Паруса»:

*Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*

< . . . . . >
*А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*²⁹

Идеала «свободы и покоя» ищет и лирический герой стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», Корсар также «желал быть спокоен, волен»³⁰, Джюлио вспоминает Италию:

*...мнится, там живут
Покойно, вольно и беспечно*³¹.

Наконец, Мцыри слышит в полусне-полубреду песню «рыбки»:

*Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой*³².

Стоит также вспомнить разговор Андрея Болконского и Пьера Безухова о том, что нравственные мучения мыслящего дворянина при современном строе тяжелее, нежели физические страдания крепостных крестьян: «...ты хочешь вывести его (говорит Андрей Пьеру о крестьянине. — М. С.) из его животного состояния и дать ему нравственные потребности. А мне кажется, что единственно возможное счастье — есть счастье животное, а ты его-то хочешь лишить его. Я завидую ему, а ты хочешь его сделать мною, но не дав ему ни моего ума, ни моих чувств, ни моих средств <...> Жизнь и так не оставляет в покое. Я бы рад ничего не делать, а вот, с одной стороны, дворянство здешнее удостоило меня чести избрания в предводители; я насилу отделался»³³.

Таким образом, весь означенный выше контекст пушкинского решения проблемы «свободы и покоя» как оппозиции «счастью» еще раз подтверждает серьезность и многогранность этической проблематики «Евгения Онегина».

(5) глава X, строфа <VIII>, стих I:

Сей муж судьбы...

Традиционное название Наполеона. Ср. в романе Н. М. Зарюшкина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (М., 1955, с. 21): «L'homme du Destin» (а также: «баловень судьбы» — там же, с. 145).

²⁹ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. — М., 1964. — Т. I. — С. 488.

³⁰ Там же. Т. 2. — С. 148.

³¹ Там же. — С. 170.

³² Там же. — С. 70.

³³ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. — М., 1980. — Т. V. — С. 118—119.

/6/ гл. X, строфа <XV>, стихи 9—14:
*Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал...*

Ср. в письме Н. И. Тургенева брату С. И. Тургеневу от 30 июня 1821 г.: «...Имея в виду между государствами одну Россию и между народами одних русских, я никогда не дал бы голоса моего ни для какой войны, кроме войны оборонительной»³⁴.

/7/ Примечания к «Евгению Онегину», 17:

Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю.

Исходя из этого, вся русская литературоведческая традиция придерживалась соотношения внутренней хронологии романа с историей России и историей жизни самого автора³⁵. Но в 1983 г. появилась статья В. С. Баевского, опровергающая эту традицию возможностью подсчета художественного времени и соотношенности его с историческим временем³⁶.

Основные выводы работы В. С. Баевского таковы:

1) сторонники общепринятой концепции не учитывают все факты, прежде всего те, которые не укладываются в их концепцию (это показано на примере того, что Онегину в 1819 г., согласно указанию предисловия к отдельному изданию 1-й главы, 18 лет);

2) «героям романа в каждом эпизоде столько лет, сколько требует художественная и психологическая правда» (с. 123), т. е. соблюдения внутренней хронологии в романе Пушкина нет;

3) «объективное эпическое время действия совмещалось с субъективным авторским временем» (с. 127—128).

Критическая часть статьи В. С. Баевского, очевидно, бесспорна и уже признана в научной литературе³⁷; но положительные суждения, именно в силу их резкого отталкивания от общепринятой точки зрения, требуют корректировки.

Расчет художественного времени в романе должен вестись на основе «эпического действия», без учета «лирических отступлений». Ясно, что такое разделение романа весьма условно, но зато оно позволяет избежать прямого соотношения времени художественного и исторического³⁸. Этот расчет должно вести на основе точных

³⁴ Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. — Л., 1936. — С. 343.

³⁵ Бродский Л. Н. «Евгений Онегин». Роман Пушкина. — М., 1950; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — С. 18—23. Ограничимся указанием только на комментарий.

³⁶ Баевский В. С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1983. — Т. XI. — С. 115—130. Далее цитаты из этой статьи даются в тексте.

³⁷ Никишов Ю. М. Художественное время в «Евгении Онегине» // НДВШ. Филол. науки, 1989. — № 5. — С. 9—15; Строганов М. В. <Вступительная заметка> // Методические указания по чтению художественных текстов по курсу «Русская литература XIX века». — Калинин, 1984. — С. 8—10.

³⁸ Иной точки зрения придерживается Ю. М. Никишов: «История оказывает воздействие на оба временных потока — и сюжетное, и авторское время» // Указ. соч. — С. 15.

дат, данных в романе. Мы имеем в романе только одну цепочку дат, связанных с Онегиным: Татьяна дана вообще без дат, Ленский — с одной датой, условность которой очевидна³⁹.

Итак, обратимся к Онегину. В первой главе он назван «философом в осьмнадцать лет», в четвертой о нем говорится:

*Вот, как убил он восемь лет,
Утратив жизни лучший цвет. (VI, 76),*

а в восьмой главе,

*Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов (VI, 170),*

Онегин отправляется путешествовать. В путешествии он проводит года три, поскольку за это время 1) в течение одного года Татьяна живет в деревне, посещая усадьбу Онегина, 2) в течение двух лет — она замужняя дама (генерал говорит Онегину, что женат «около двух лет») ⁴⁰. Наконец, еще некоторое время отводит Пушкин новым встречам Татьяны и Онегина. Следовательно, мы имеем дело в романе с общей длительностью времени примерно в двенадцать лет.

Попробуем теперь укрепить эти двенадцать «художественных» лет в каких-либо конкретных исторических (не эпохальных) ориентирах.

Онегин — герой века, он «современный человек», человек, современный своему веку, времени. Его рождение поэтому должно падать на 1799—1801 гг. И действительно, в предисловии к отдельному изданию первой главы Пушкин датировал события ее 1819 г., что убедительно аргументирует и В. С. Баевский (с. 117—118). Значит, мы можем говорить, что годом рождения Онегина является 1801 г.

Двадцать шесть лет Онегину, судя по этому, должно быть в 1827 г., т. е. дуэль и смерть Ленского тоже относятся к этому году (или даже — к январю 1828 г.). Правда, сама смерть описана ранее — Пушкин работал над шестой главой романа в 1825—1826 гг., но мы помним, что этот возраст Онегина указан лишь в восьмой главе романа, которая писалась в 1829—1830 гг.

Что же значит те «восемь лет», которые провел Онегин, «утратя жизни лучший цвет»? В. С. Баевский верно указал, что, поскольку Онегину в 1819 г. было восемнадцать лет, постольку в свет он вступил, очевидно, в 1817 г., когда ему было шестнадцать лет (с. 117—118). И именно в 1819 г. «чувства в нем остыли, Ему на-

³⁹ Об Онегине Пушкин говорит: «Все украшало кабинет Философа в осьмнадцать лет» (VI, 35). Обе даты ироничны, но первая имеет реальное обоснование, а вторая указывает только на эпигонский, не пережитый самим поэтом характер лирики.

⁴⁰ Соображение В. С. Баевского о том, что «свадьба могла быть и отложена по разным причинам» (С. 123), не подтверждается Пушкиным: события следуют в романе «в стык». Средний возраст выхода барышень замуж также завышен, а Ларина-мать недаром торопится выдать Татьяну замуж.

скучил света шум». В. С. Баевский не отмечает, что у Пушкина сказано:

*Нет, рано чувства в нем остыли,
Ему наскучил света шум,
Красавицы недолго были
Предмет его привычных дум...⁴¹*

Значит, именно к 1819 г. следует отнести это охлаждение, когда герою было восемнадцать лет, а не к иному другому времени, когда ему стало двадцать шесть, что вовсе не рано.

Следующие шесть (может быть, и не шесть, а четыре или пять) лет выпадают из поля зрения автора, а значит, и нашего...

Возвращаясь же к восьмой главе, отметим, что в ней герою двадцать девять лет (двадцать шесть плюс три года путешествия), он приближается к своему тридцатилетию. Учтя, что герой родился в 1801 г., сосчитаем, что эта дата падает на 1830 г.

Теперь необходимо объяснить, почему Пушкин сообщает Онегину именно эти реальные возрасты: восемнадцать, двадцать шесть, двадцать девять — тридцать лет.

Все дело в том, что Пушкин описывает вход молодого человека в свет, который у него самого совершился в 1817 г., в восемнадцать лет (лицейское образование несколько подзадержало возраст гражданской зрелости молодых дворян), и проецирует на Онегина свой собственный возраст. Подобная проекция собственных настроений на героя есть и в конце первой главы:

*Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же... (VI, 28).*

Здесь Пушкин переносит на Онегина свои настроения после Лицея: «Вышед из Лицея я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том <что> деревня est le premier» (12, 304, запись 19 ноября 1824 г., сделана в Михайловском).

Четвертая глава, где писалось об убитых Онегиным восьми годах светской жизни, создавалась в 1824—1825 гг., из которых, вычтя восемь лет, получим тот же 1817 г. Так что именно Пушкин потратил в эти восемь лет «лучший цвет» своей жизни. Кстати сказать, на 1824—1825 гг. падает и весьма бурный, хотя и вполне

⁴¹ На это указывает, впрочем, Ю. М. Никишов (Указ. соч. С. 12).

безгрешный роман с тригорскими дамами: «В красавиц он уж не влюблялся, А волочился как-нибудь». На Онегина вновь перенесено психологическое состояние автора.

В восьмой главе, сообщая, что Онегин дожил до двадцати шести годов, Пушкин вновь возвращает нас к 1825 г., к возрасту своего двадцатилетия, вскоре после которого на него «напала страсть» (а точнее — появилась возможность) к путешествиям.

И, наконец, Онегин накануне своего тридцатилетия переосмысляет жизненные ценности, в том числе и женскую любовь, и «узы брака», — переосмысляет их так же, как переосмыслял их Пушкин. Именно в это тридцатилетие, «полдень жизни», мужчина, по Пушкину, созрел до осознания красоты семейной любви и брака.

Итак, Пушкин проецирует на Онегина свою жизнь, свои важнейшие жизненные вехи. И если мы согласимся с утверждением В. С. Баевского, что вряд ли «закономерно <...> хронологию жизни автора — повествователя отождествлять с хронологией жизни Пушкина» (с. 120), то, добавив от себя, соотношение хронологии жизней Пушкина и Онегина вполне допустимо, более того, именно это соотношение объясняет многие противоречия в художественном времени романа. «Разность между Онегиным и мной» была в том, что то, что Пушкин переживал в своей жизни, он задним числом отдавал своему герою. Для Онегина ему было ничего своего не жалко...

Настоящие заметки ставят, таким образом, и проблему пушкинского автобиографизма, но это уже особая проблема.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991